

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В романе приводятся списки мировых рекордов, большая часть которых взята из различных изданий Книги рекордов Гиннеса. За исключением четырех очевидных случаев, имена и номинации являются реальными, однако они, как и сама Книга рекордов Гиннеса, используются здесь, чтобы проиллюстрировать мир, который существует только в моем воображении. Некоторые рекорды, вероятно, были побиты за то время, что прошло между написанием книги и ее публикацией. Я также использовала информацию с сайта Геронтологической исследовательской группы — организации, которая отслеживает долгожителей по всему миру. Эпизод, в котором фигурирует реально существующий музыкант Дэвид Кросби, является вымышленным.

*Часть
первая*

BROLIS (БРАТ)

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Говорит мисс Уна Виткус. Записываем историю ее жизни. Часть номер один.

Начинаем?

...

Нет, невозможно ответить на все эти вопросы. Мы с тобой тут до Страшного суда просидим.

...

Отвечу на первый, и хватит.

...

Я родилась в Литве. В 1900 году. Не помню ничего про то место. Ну, разве что какие-то домашние животные припоминаются смутно. Была там то ли лошадь, то ли корова. Белая, в пятнах.

...

Скорее, корова.

...

Понятия не имею, коровы каких пород водятся в Литве. Знаешь таких пятнистых буренок, которые встречаются везде? Мне кажется, такая и была.

...

Голштинки, говоришь. Спасибо. Да, и еще вишневые деревья. Прекрасные вишневые деревья, по весне напоминали мыльную пену. Огромные, пышные, все в цвету.

...

Потом было долгое путешествие, мы на корабле плыли через океан. Помню что-то урывками. Да у тебя на этой бумажке миллион вопросов...

...

Вижу, что пятьдесят. Не придирайся, это просто оборот речи. Не обязательно задавать их по порядку.

...

Потому что история человеческой жизни никогда не начинается с начала. Неужели тебе в школе этого не объясняли?

ГЛАВА 1

Она все-таки ждала его — или кого-нибудь, хоть никто ей так и не позвонил.

— Где мальчик? — крикнула она с крыльца.

— Он не смог прийти, — ответили ей. — Вы миссис Виткус?

Он пришел, чтобы насыпать корма в кормушки для птиц, вынести мусор, посвятить шестьдесят минут своего времени уходу за ее хозяйством. По крайней мере, на это он способен.

Она разглядывала его с недовольным видом, ее лицо, лишенное красок, напоминало сморщенное яблоко, на котором выделялись, как яркие семечки, встревоженные глазки.

— Птицы умирают с голоду, — сказала она. — Не могу же я лазать на стремянку.

Ее голос хрустел, как разбитое стекло под ногами.

— Миссис Уна Виткус? Дом сорок два по Сибли-авеню? — на всякий случай уточнил он.

Добираться пришлось через весь город на автобусах с двумя пересадками.

Зеленое бунгало затаилось в заросшем деревьями тупике, в двух кварталах от супермаркета и в нескольких шагах от тротуара. Стоя возле дома, Куин одинаково хорошо слышал и щебет птиц, и шум автомобилей.

— Вообще-то мисс, — надменно ответила она.

Он уловил в ее речи акцент, правда едва заметный. Мальчик ничего об этом не говорил. Ее путь, наверное,

пролегал через остров Эллис¹, как у сонмища других переселенцев.

— На прошлой неделе он тоже не явился, — сказала она. — На этих мальчиков совсем нельзя положиться.

— Тут я ничего не мог поделать, — ответил Куин, ощетинившись.

С чего он взял, что встретит здесь фею с розовыми щечками? Место напоминало логово ведьмы: клумбы с засохшими цветами, черепичная крыша тростникового цвета, клинья мансардных окон.

— Надо же этих мальчиков учить послушанию. Чтобы росли толковыми, добрыми, послушными... Добрыми, послушными и... — она хлопнула себя по лбу.

— Аккуратными, — подсказал Куин.

Мальчик умер. Очень аккуратно умер. Но Куин не смог произнести этого.

— Аккуратными и почтительными, — закончила женщина. — Они же мне обещали. Клялись. Я поверила, что все будет по-настоящему, без дураков.

Снова акцент проскользнул еле слышным отголоском: какая-то шершавость согласных, менее музыкальное ухо ничего бы не заметило.

— Я его отец, — сказал Куин.

— Да я уж догадалась. — Она закуталась в свою куртку из килта. На голове у нее была шапка с помпоном, хотя на улице стоял конец мая, припекало так, что пот выступал. — Он что, заболел?

— Нет, — ответил Куин. — Где у вас корм для птиц?

¹ Остров Эллис расположен в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка, был самым крупным пунктом приема иммигрантов в США, действовавшим с 1 января 1892 года по 12 ноября 1954 года. *Прим. перев. здесь и далее.*

Старуха вздрогнула. Ее ноги в чулках напоминали две грабли, обутые в черные башмачки.

— Там, в сарае, — сказала она. — У двери, если мальчик не переставил. Он на все завел свои порядки, знаете ли. Лестница тоже там. Но вы высокий. Может, вам она и не понадобится.

Она смерила Куина взглядом от ступней до макушки, словно прикидывала размер его одежды.

— Если я повешу кормушки ниже, вы сами сможете наполнять их, — предложил он.

Она уперлась кулаками в бока.

— Как же это все доканывает меня, — сказала она с таким видом, будто вот-вот расплчется, и эта внезапная, разительная перемена заставила Куина поторопиться. Он сказал:

— Пойду займусь делом.

— Я буду в доме, — она указала костлявым пальцем на дверь. — С таким же успехом смогу наблюдать за вами из окна.

Голос ее звучал энергично и настолько не вязался с дряхлостью тела, что Куин даже усомнился в словах Белль, будто Уне Виткус сто четыре года. После смерти мальчика Белль стала воспринимать реальность как-то искаженно. Он боялся и самого горя, и того, что горе сломает ее. Он бы хотел защитить Белль, но не имел таланта строить отношения и был способен лишь на одно — тупо исполнять ее указания в знак искупления своей вины. Вот почему он очутился здесь: чтобы по приказу своей дважды бывшей жены закончить доброе дело, начатое сыном.

Обшарпанные двери сарая открылись легко. Похоже, петли недавно смазали. Внутри оказалась стремянка

со сломанной ступенькой. Воняло животными — не кошкой или собакой, а какими-то грызунами, мышами, что ли. Или тощими, наглыми, зубастыми крысами. Садовый инвентарь, тронутый ржавчиной, расположился по диагонали на дальней стене крючьями, зубьями и остриями наружу. Куин подумал, что мальчик мог запросто получить травму во время своей еженедельной миссии милосердия, если бы у стремянки надломилась ступенька, подточенная червем. Сомнительная реклама для скаутского отряда номер двадцать три.

Но мальчик не получил травму. Он, выражаясь его языком, «получил заряд вдохновения». Куин обнаружил птичий корм в знакомом пластиковом ведре. Когда-то оно вмещало пять галлонов смеси, которая пошла на шпаклевку стен в гараже Белль — перед их окончательным расставанием, перед тем, как она превратила его репетиционный зал в склад для растворителей, средств против сорняков и запасных шин. В ведре Куин нашел совок внушительного размера, блестящий и вишнево-красный, веселый, словно реквизит для рождественского спектакля. На соседней полке он заметил еще девять таких же совков. Мальчик был барахольщиком. Невозможно объяснить, почему он собирал какие-то вещи. Накануне похорон Белльпустила Куина в комнату мальчика, но велела ничего не двигать и не трогать. Вот что он насчитал там: птичьих гнезд — десять штук, журналов Old Yeller — десять штук, фонариков — десять штук, свиной-копилок — десять штук, пособий для бойскаутов — десять штук. Там же имелись палочки от леденцов, желуды, катушки от ниток — все аккуратно собрано в комплекты по десять штук. Компьютер один, но к нему

десять мышек. Стол один, но на нем десять пеналов. Накопительство, утверждала Белль, это естественная реакция на отсутствие отца, чье внимание утекает, как вода из поломанного крана. «Сам посуди, — однажды сказала она ему, — зачем одиннадцатилетнему ребенку окружать себя этой крепостью из вещей?»

«Затем, что с ним что-то не так», — мысленно ответил Куин. Но в тот скорбный день они осмотрели комнату мальчика молча. Белль вышла первой, а Куин задержался, взял дневник мальчика — блокнот на пружинках, пять на семь, черного цвета — и засунул в карман куртки. Еще девять блокнотов так и остались лежать нетронутыми, запечатанными в пленку.

Куин подтащил мешок с птичьим кормом к кормушкам мисс Виткус, он представил себе, как остальные члены отряда номер двадцать три бодро творят добро, занимаясь куда более интересными делами. Командир скаутов Тед Ледбеттер, учитель средней школы и отец-одиночка, заявлял, что его любимое занятие — ходить в лесные походы, и, судя по всему, он сбегнул мисс Виткус на самого безответного ребенка, который заведомо не стал бы протестовать. Вот она постукивает по стеклу, давая понять Куину, что надо пошевеливаться.

Между домом и высокой березой мисс Виткус натянула бельевую веревку в тридцать футов длиной и увешала ее кормушками для птиц. Куин с его ростом не нуждался в стремянке, а вот мальчик, маленький и худенький, как эльф, без нее обойтись не мог. Куин тоже был мелким до одиннадцати лет, а на двенадцатое лето вымахал одним рывком, так что кости ломило и из одежды ничего не годилось. Возможно, мальчик с возрастом тоже вырос бы. Рослый барахольщик. Рослый собиратель странных вещей.

Куин начал со стороны березы; едва он снял крышку с первой кормушки, птицы оживились, запорхали с ветки на ветку, и те закачались. Птенцы, догадался Куин. Все новое за последние две недели он узнавал благодаря аккуратному, правильному, старомодному почерку своего сына. Загадочный плод слабосильных чресл Куина, мальчик, как выяснилось из дневника, замахивался на почетный значок за умение распознавать птиц — «Орел скаутов».

Мисс Виткус открыла окно.

— Они приняли вас за мальчика, — крикнула она, когда птицы спорхнули вниз. — Такая же куртка.

Свежий воздух ворвался в легкие резко и безжалостно. Мисс Виткус наблюдала за ним, свитер топорщился на ее впалой груди. Он ничего не ответил, и она закрыла окно.

Наполнив кормушки и пройдясь газонокосилкой по лужайке, Куин вернулся к дому. Мисс Виткус стояла на пороге, ждала его. Беловатый пух у нее на голове, который и волосами-то не назовешь, напомнил Куину одуванчики. Она сказала:

— После работы я угощаю его печеньем.

— Нет, спасибо.

— Это входит в дежурство.

Пришлось зайти, но куртку он снимать не стал. Куртки у них с мальчиком были, как заметила мисс Виткус, совершенно одинаковые: кожаные бомберы с заклепками, отчего Куин походил на рок-н-рольщика, а мальчик — на суриката, вырвавшегося из капкана. В этой куртке Белль его и похоронила.

Куин ожидал, что окажется посреди кошек и носовых платков, но нет, жилище мисс Виткус было просторным и полным воздуха. На одном конце кухонной

столешницы лежала стопка газет, но в остальном он сиял чистотой. Краны над раковиной блестели. Наверняка и участок возле дома когда-то выглядел не хуже, чем у соседей, — ровные дорожки, аккуратные клумбы посреди подстриженных газонов — просто с возрастом у нее кончились силы поддерживать порядок.

На столе две разнокалиберные тарелки, пачка маленьких крекеров в виде фигурок животных, колода карт и уродливые очки для чтения из аптеки. От стульев пахло полиролью с лимонной отдушкой. Он постарался представить, как мальчик чувствовал себя здесь.

— Говорят, вам сто четыре года, — сказал Куин, просто чтобы нарушить молчание.

— И сто тридцать три дня. — Она раскладывала крекеры по тарелкам один за другим, как раздают карты. Молока, похоже, не предвидится.

— А мне сорок два, — сказал он. — Для музыканта все равно что восемьдесят четыре.

— Выглядите старше, — она стрельнула в него искрой зеленоватых глаз.

В своем дневнике мальчик записал, как всегда, без единой ошибки: «Мисс Виткус дает НЕВЕРОЯТНЫЙ заряд вдохновения — она настоящая волшебница, и жизнь прожила просто ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ!!!» В дневнике было исписано двадцать девять страниц, повседневная хроника чередовалась с короткими восторженными заметками о мисс Виткус, его новом друге.

— Вам кто-нибудь помогает? — спросил Куин. — Кроме скаутов?

— Меня обслуживает «Еда на колесах», — ответила она. — Я их стряпню расковыриваю и готовлю заново, выходит экономия на продуктах.

Она взяла крекер в виде динозавра.

— Это они привозят вместо десерта. — Она снова взглянула на Куина. — Ваш мальчик говорил, что вы знаменитость. Это так?

— Разве только в своих мечтах, — рассмеялся он.

— Какого рода музыку вы играете?

— Любую, кроме джаза. С джазом в крови надо родиться.

— Как Элвис?

— Именно.

— Ковбойские песни играете?

— Если хорошенько попросить.

— Мне всегда нравился Джин Отри. А как вам Перри Комо?

— Хоть Перри Комо, хоть Джин Отри, хоть «Лед Зеппелин», хоть реклама кошачьего корма. Лишь бы платили.

— Я никогда не слышала Эда Зеппелина, но рекламной кошачьего корма сыта по горло. — Она несколько раз моргнула. — Значит, на все руки от скуки.

— Поденщик, — сказал он. — Надо же зарабатывать. Она опять взглянула на него.

— И все-таки вы талантливый.

— Я обыкновенный.

Что мальчик напел ей? Куин чувствовал себя жуком на булавке под лупой.

— С семнадцати лет работаю без передышки.

Она не наплась, что ответить, и промолчала.

— Гитаристом, в смысле. В основном я работаю гитаристом.

Снова молчание, и Куин сменил тему:

— Вы прекрасно говорите по-английски.

— А почему бы мне не говорить по-английски? Как-никак живу в этой стране сто лет. Чтоб вы знали, я была секретарем у директора школы. Академия Лестера. Слышали?

— Нет.

— Как же, доктор Мэйсон Валентайн. Блестящий мужчина.

— Я учился в бесплатных школах.

Она теребила свой свитер, экспонат из сороковых годов с большими стеклянными пуговицами.

— На этих мальчиков совсем нельзя положиться. У нас же с ним были планы. — Она посмотрела на Куина.

Куин сказал:

— Постараюсь заменить его.

— Как вам будет угодно. — Она барабанила пальцами по затертой колоде карт, которые были несколько меньше обычных.

— Сын говорил, что вы показываете фокусы, — не удержался Куин.

— Но не бесплатно.

— Вы брали с него плату?

— С него нет. Он же ребенок.

Она надела очки — чересчур большие для ее лица — и поглядела на колоду.

Мальчик писал: «Мисс Виткус НЕВЕРОЯТНО талантливая. Она умеет делать так, что карты и монеты ИСЧЕЗАЮТ. А потом ПОЯВЛЯЮТСЯ снова!!! И улыбка у нее удивительная».

Да, именно так он выражался и в жизни.

Куин спросил:

— Сколько?

Она перетасовала карты, настроение у нее переменялось.

— Что ж, позабавлю вас, — сказала она с царственным пренебрежением. Каких только шарлатанов не повидал Куин в своей жизни, но эта старая карга была почище многих.

— Лишь бы фокус удался, — сказал он, посмотрев на кухонные часы.

— Вы спешите, — заметила она. — Все спешат.

Она перекидывала колоду из руки в руку не так эффектно, как ей казалось, но вполне впечатляюще.

— Летом 1914 года я сбежала из дома с бродячей труппой, тогда и освоила искусство пресиджитации².

Она приподняла брови, будто это слово само по себе уже было магическим заклинанием.

— Через три месяца я вернулась домой и прожила самую заурядную жизнь, какую только можно себе представить, — она произнесла это с особым, но не вполне понятным ему чувством. — Я показываю фокусы, чтобы напомнить себе, что когда-то была молодой.

Покраснев, она добавила:

— Я рассказала вашему мальчику много историй. Может быть, слишком много.

Не зря он боялся приходить сюда: мальчик был повсюду. Куину никогда не хотелось иметь детей, и отец он был из рук вон плохой, по большей части отсутствовал, и вот теперь, после смерти мальчика, не испытывал ни парализующей заморозки шока, ни ранящей остроты

² В иллюзионном искусстве способ работы с небольшими предметами, при котором у зрителя возникает ложное ощущение «появления», «исчезновения» или «перемещения» предмета в руках иллюзиониста.

скорби, разве что мучительную и мрачную иронию, изнуряющую сердце.

Мисс Виткус помахивала картами в ожидании. Зубы у нее были длинные, неровные, но белые узловатые пальцы — на редкость проворные, а ногти — гладкие и блестящие.

— Пять баксов, — сказал Куин, вынимая бумажник.

— Читаете мои мысли. — Она взяла банкноту и засунула куда-то под свитер.

Через мгновение Куин спохватился:

— А где же фокус?

Она перегнулась через стол и собрала карты.

— Пять долларов за вход, — сказала она, и он разглядел выражение ее глаз — в них была злость. — За представление еще пять.

— Это же вымогательство.

— Я не вчера на свет родилась, — ответила она. — В следующий раз приведите с собой мальчика.